

Конструирование исторической памяти и дорусское прошлое Юго-Западной Сибири

Современные краеведческие исследования, особенно татарских и башкирских авторов, часто выступают образцами «folk history», но при этом оказывают значительное влияние на конструирование исторической памяти как компонент этнической и религиозной идентичности в современном мире. В своих «исследованиях» эти авторы обращаются не только к явному вымыслу (например, родство башкир с шумерами), но и к реально существующим проблемам соотношения археологических памятников и этнокультурных групп прошлого с современными этносами. Чаще всего в подобных работах нуждаются те группы, которые подвергались подавлению в этническом, религиозном или культурном плане. При этом абсолютно не важно, насколько это подавление было или является реальным. Не менее показательным является совпадение этих опытов конструирования с поисками региональной идентичности в условиях имперской культуры, советской идеологии или российской глобализации.

Примером такого конструирования является недавняя работа Ф. А. Байрамовой, посвященная истории ичкинских татар, одной из крупнейших тюркоязычных групп на территории современной Курганской области. В исторических исследованиях появление этой сложной по составу и многокомпонентной группы в регионе достаточно убедительно связывают со второй половиной XVII в., хотя и признают возможность вхождения в ее состав отдельных представителей как местных тюрко-татарских племен или беглецов из Казанского ханства, так и иных групп, в том числе служилого населения, на протяжении XVIII в. [3; 50–53]. Однако в процедуре конструирования исторической памяти и связанной с ней этнической идентичности ичкинских татар автор апеллирует к мнению историков имперской России о преимущественно татарском происхождении дорусских, в том числе т. н. «скифских», групп населения юга Западной Сибири и отнесению к ним всех местных археологических объектов [1; 167–218]. На этом основании автор заявляет о «сговоре» современных историков и археологов, которые вопреки

* **Денис Николаевич Маслюженко** – к. и. н., завкафедрой «Культурология» Курганского государственного университета (г. Курган).

историографической традиции и исторической памяти народа настаивают на иных этнокультурных интерпретациях, указывая на сложный характер формирования населения рассматриваемой территории в условиях миграционных процессов средневековой истории, в том числе спровоцированных завоеваниями периода Монгольской империи.

Понять суть рассматриваемой проблемы может быть проще, если попытаться восстановить то, как жители города Кургана (бывшей слободы Царева Городища, русской крепости, построенной около 1679 г. на южных границах земель ичкинских татар) представляли дорусское прошлое региона. Для жителей слободы, а затем города, это было тем более важно, что населенный пункт был построен рядом с огромным холмом, получившим название «Царев курган». Археологические раскопки этого памятника в 1959–1960 гг. определили его как погребальную усыпальницу крупного вождя V–IV вв., принадлежащую к гороховской археологической культуре. Ее этническая интерпретация вызывает значительные споры среди исследователей, хотя большинство археологов склоняются в пользу смещения в ней угорских и иранских черт. Естественно, что в имперский период об этом известно не было. Следует понимать, что даже признание татарского или близкого к этому концепту «чуждого» прошлого было значительным шагом вперед по сравнению с нередкими представлениями XVI века об отсутствии какого-либо населения в Сибири. Способов определения древности и хронологии заселения просто не существовало, а авторы часто опирались на интерпретацию народных легенд и метод ретроспекции.

Впервые Царев Курган был описан в конце апреля 1771 года П. С. Палласом: «сим именем называют чрезвычайной величины людьми насыпанный курган, о коем никакого не осталось предания, и не известно воздвигнуто ли оной древними обитателями сея страны, как памятник какого-то важного происшествия или как гробница покрывающая тело какой ни есть знатной особы» [более подробно и развернуто данная тема раскрыта автором в работе: 2; 67–78, в которой также приведен подробный библиографический список]. Однако уже летом того же года 1771 года в слободе побывал И. П. Фальк, который пишет «поселился здесь крестьянин Невежин на развалинах татарского города...». Далее он уточняет, что все курганы в этой местности «имущества прежних жителей, вероятно кочующих татар... Хан Кучум истребил здесь последних жителей незадолго до его изгнания». Именно И. П. Фальк задал направление дальнейшего изучения окрестностей слободы, причем подробность его информация может свидетельствовать как об использовании общих концептов российской истории этого времени, так и о наличии у него местных информаторов.

В 1810 году статский советник М. Н. Баккаревич при составлении «Статистического обозрения Сибири» писал, что «названо был Царевокурганским городищем, вероятно от большого кургана, поблизости от него находившегося, где, как сказывают, жил некогда какой-то Магометанского закона царь». В 1824 году первый смотритель Курганского уездного мужского двухклассного училища написал небольшую записку «О старинных городищах, существующих в Курганском уезде» для журнала «Отечественные записки». Он впервые определил четыре наиболее крупных в регионе царских кургана (Курганский, Бабий, Плюха и Шмаковский) как «старинные городища». Очевидно, что его ввели в заблуждения значительные по размеру рвы и валы, имеющиеся вокруг этих сооружений, что вполне характерно для крупных погребальных комплексов Зауралья периода раннего железного века. Для местных жителей и краеведов-любителей значительные по размерам элементы погребальных насыпей могли напомнить именно оборонительные сооружения крепости. Солунов указывает: «Сколько бы время ни силилось изгладить древние их укрепления; но рвы, окружающие сии крепостицы, очень еще приметны... Они основаны татарами Чингис-Хановой или Золотой Орды и были местопребыванием их князей и старшин, удалившихся из окрестностей Астрахани через Оренбург в Сибирь». Время этого переселения смотритель связывал с разгромом Мамаю на Куликовом поле, что, по его мнению, подтверждалось значительным количеством погребенных в курганах мусульман (кстати, эти курганы на тот момент не были раскопаны). На данный момент сложно сказать, опирался ли Солунов на существующие местные предания или его предположения в целом отражали общий уровень археологических познаний того времени. Однако очевидно, что с этого времени именно крупные царские курганы в Притоболье и стали основой для дальнейшего создания легенды о существовавших татарских крепостях в этих местах. В XIX веке значительное число крупных курганов в регионе называли, по данным Р. Г. Игнатьева, именно татарскими. От такого отождествления пытались отказаться лишь жившие в Кургане во второй четверти XIX века политические ссыльные, имевшие иной уровень образования (например, ссыльный декабрист, барон А. Е. Розен или Ипполит Завалишин).

В опубликованной в 1854 г. Н. А. Абрамовым легенде о Царевом кургане погребенная в нем девушка уже с очевидностью называется дочерью знаменитого татарского хана, который имел в этой местности юрт. При этом автор делает любопытную оговорку относительно названия слободы: «Это название получила она от занятого ею места, где прежде было татарское городище, называвшееся Царевым». При этом следует помнить, что Н. А. Абра-

мов учился в курганском уездном училище, однако уже после смерти Солунова. Известно, что краевед хорошо знал татарский язык, однако это не может с очевидностью свидетельствовать именно о татарском происхождении рассказа. На данный момент мне кажется, что мы имеем дело с завершающим этапом создания местной легенды о Царевом Кургане как о татарском памятнике и его возможной связи с местными ханами и их городками. Эта легенда была пересказана в газетной статье в мае 1873 года Р. Г. Игнатьевым, который при этом упомянул: «В 8 вер. от г. Кургана есть так называемое татарское цареве городище, с остатками древняго вала и тут же те два кургана... На этом самом месте, на берегу р. Тобол... жил тоже какой-то хан... слобода же Цареве-городище основана была на пепелище давно уже оставленного татарского городища...».

В изданном в 1896 г. томе энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона читаем: «На месте нынешн. К. находилась прежде слобода Цареве-Городище или Царев-курган, основ. в 1553 г. близ доныне сохранившегося огромного кургана, имеющего в окружности около 80 саж. Курган этот, окруженный валом и рвом, служил становищем какого-то татарского князя, побежденного впоследствии Кучумом». Статья о Кургане была написана историком и краеведом Л. Б. Вейнбергом, одним из ведущих исследователей Воронежского края. Резонно предположить, что, поскольку он не был специалистом по Сибири, он должен был опираться на уже имеющиеся исследования, к которым, однако, добавил новую легенду о татарском князе, побежденном Кучумом.

Как это ни странно, но опыт конструирования региональной истории курганскими обывателями XIX века оказал влияния и на вполне серьезные научные исследования. О старинном татарском городке «Цареве городище» пишет С. В. Бахрушин; Н. А. Томилов среди прочих городищ тюменских татар указывает Цареве городище на месте города Кургана; Л. Р. Кызласов добавляет к этому, что «Цареве городище» к концу XVI – началу XVII вв. татарами было заброшено.

Таким образом, неверная с точки зрения современных исторических знаний интерпретация сущности царских курганов как татарских городищ, специфическое понимание слова «городище» в документах XVII века краеведами XIX века с появлением соответствующей статьи популярного энциклопедического словаря стала основой для распространения этой версии в литературе. Сама эта легенда формировалась на протяжении нескольких десятилетий в среде курганских обывателей и отражала их представления о дорусском прошлом региона, которое вполне резонно было связано с татарами, в том числе Сибирского ханства Кучума. При этом в

целом данные представления соответствовали общим знаниям российской науки имперского времени о дорусском прошлом Западной Сибири. Этот опыт имперского конструирования исторической памяти на региональном уровне стал основой для аналогичных современных попыток, которые игнорируют значительное увеличение исследовательского аппарата гуманитарных наук, произошедшее за последнее столетие. Использование имперских или советских конструктов для создания фантомов исторической памяти современных тюркоязычных групп населения на юге Западной Сибири приводит к игнорированию их действительно насыщенной событиями и богатой истории.

Литература

1. Байрамова Ф. А. Степная Атлантида или История ичкинских татар. — Казань : Аяз, 2013. — 344 с.
2. Маслюженко Д. Н. Была ли татарская крепость «Царево городище» на месте города Кургана, или об одном спорном моменте в региональной историографии // Историческая судьба Искера : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Тобольск, 2013. — С. 67–78.
3. Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) / под ред. Д. Н. Маслюженко. — Курган : Изд-во Курганского госуниверситета, 2012. — 102 с.